

Когда Су Цзисюэ попробовала тушёную говяжью грудинку с помидорами и картофелем, её глаза загорелись. А спустя мгновение она заметила, что Шэнь Сюнь уже умял две миски риса.

По тому, как он ел, знающий человек понял бы, что Шэнь Сюнь только вернулся домой. А незнающий решил бы, что перед ним беженец, добравшийся до Имперской звезды после голода на какой-нибудь далёкой планете.

— Что собираешься делать после ужина?

Шэнь Сюнь отложил палочки, вытянул салфетку и вытер рот.

— Спать.

Су Цзисюэ удивилась:

— Сынок, ты весь день проспал. И ещё сможешь уснуть?

Шэнь Сюнь с тоской посмотрел на неё.

— Госпожа Су, я умираю как хочу спать. Я бы с удовольствием уснул и проснулся только в следующем году.

Су Цзисюэ рассмеялась:

— Мой дорогой сын, мечте не сбыться. Год только начался, до следующего ещё далеко.

Су Цзисюэ была очень красивой, особенно её глаза — словно осенняя вода, мягкие и чарующие. Ей уже исполнилось пятьдесят, но время будто совсем не оставило следов на её лице.

Жаль только, глаза Шэнь Сюня пошли не в Су Цзисюэ, а скорее в Шэнь Чиму, его отца.

Когда-то по Императорской академии столицы ходила легенда: в восемнадцать лет Су Цзисюэ вышла на сцену студенческого художественного вечера и одним появлением покорила целую толпу.

Среди влюбившихся были и мужчины, и женщины, и одним из них оказался Шэнь Чиму.

Шэнь Чиму всегда отличался необузданным характером; со стороны он выглядел беспечным, своевольным и до мозга костей избалованным наследником богачей.

Он начал ухаживать за Су Цзисюэ с такой бурной, почти безумной настойчивостью, что все решили: это просто минутное увлечение и пыл скоро пройдёт.

Но Шэнь Чиму добивался её три месяца и в конце концов действительно сорвал этот недостижимый цветок с вершины.

В студенческие годы они были до невозможности сладкой парой. Многие никак не могли понять, каким дурманом Шэнь Чиму опоил Су Цзисюэ, раз она в двадцать лет, едва достигнув законного брачного возраста, сразу вышла за него замуж.

В двадцать один у них появился Шэнь Сюнь.

Насколько Шэнь Сюнь себя помнил, его мать почти не менялась. Даже характер оставался

таким же ярким и солнечным; её улыбка заражала окружающих, и по ней сразу было видно — эта женщина счастлива.

Выслушав Су Цзисюэ, Шэнь Сюнь некоторое время молча смотрел на неё, а затем достал из шкафа коробку и подвинул по столу.

— Раз уж пришла, забирай подарок на день рождения на месяц раньше, мам.

Су Цзисюэ посмотрела на коробку, потом на Шэнь Сюня и под его взглядом развязала ленту. Внутри оказалось ожерелье.

Розовые камни переливались под светом. Су Цзисюэ коснулась пальцем самого крупного, и Шэнь Сюнь пояснил:

— Розовые бриллианты с планеты Дерлафейс. Тот, который ты трогаешь, — самый большой из добытых на сегодняшний день. Говорят, он символизирует нежность счастья. Тебе подходит, правда?

Су Цзисюэ, улыбаясь, закрыла коробку.

— Сюнь-эр считает маму нежной?

Уголки губ Шэнь Сюня, только что поднятые в улыбке, тут же опустились.

— Ни капли.

Нежная мать не снимала бы на видео все позорные моменты сына с самого детства, чтобы потом при случае пересматривать их и смеяться.

Ладно бы смотрела одна — так она ещё и Шэнь Сюня заставляла смотреть вместе с ней.

В детстве он от стыда хотел провалиться сквозь землю. Но Су Цзисюэ мучила его этим столько лет, что теперь он окончательно онемел к позору.

Репутация? Да пустое.

Пока лицо не потеряно за пределами собственного дома, никакой катастрофы не случилось.

Едва Шэнь Сюнь договорил, браслет на его запястье завибрировал. Он поднял руку, взглянул на экран и показал Су Цзисюэ входящий вызов от Шэнь Чиму.

— Ну, семейных разговоров на сегодня хватит. Твой муж приехал забирать тебя домой.

Су Цзисюэ надула губы, взяла подарок и сумку, а у двери снова обернулась к Шэнь Сюню.

— На мой день рождения домой придёшь?

Шэнь Сюнь подумал.

— Приду.

Получив удовлетворивший её ответ, Су Цзисюэ открыла дверь и вышла, не забыв по пути велеть домашнему роботу-дворецкому Ноль-Семь убрать со стола и привести в порядок кухню.

Готовить было хобби Су Цзисюэ. Мыть посуду и убирать кухню — определённо нет.

Шэнь Сюнь смотрел ей вслед. Дверь открылась и снова закрылась, и дом в одно мгновение вернулся к прежней тишине, как в те времена, когда здесь жил только он.

Ноль-Семь подошёл к столу и начал убирать. Слушая тихий звон соприкасающейся посуды, Шэнь Сюнь опустил глаза, развернулся и поднялся в спальню.

Он ещё долго рассеянно смотрел в потолок и лишь потом закрыл глаза и уснул.

При этом совершенно не заметил, как браслет на запястье то загорался, то гас, а на экране снова и снова вспыхивали два иероглифа «Гу-пёс». Только владелец браслета...

Поставил беззвучный режим.

Ночь прошла прекрасно. На следующий день Шэнь Сюнь поднялся рано, умылся, переоделся и спустился вниз. Ноль-Семь уже приготовил завтрак.

Когда Шэнь Сюнь проходил мимо, робот протянул ему упакованную еду. Шэнь Сюнь взял её, вышел из дома и направился напрямик во дворец.

Завтрак он съел в машине, а приехав, как раз застал императора за утренней трапезой — и потому поел второй раз.

— Ты же говорил, что у тебя семь дней отпуска. Почему снова поднялся ни свет ни заря и пришёл ко мне?

Шэнь Сюнь одним глотком допил молоко и, отвечая на непонимание императора, объяснил:

— Я не говорил, что возьму отпуск прямо сейчас. Подожду ещё месяц, до дня рождения госпожи Су.

Император кивнул:

— И правда. День рождения твоей матери скоро. Как сын, ты действительно должен вернуться домой.

Шэнь Сюнь отозвался коротким «ага» и вкратце рассказал императору о поездке на Дерлафейс и о положении дел там.

На самом деле серьёзных проблем не было.

Когда разговор по делу закончился, император поднял голову и с удивлением обнаружил, что Шэнь Сюнь всё ещё сидит на месте. Невероятное зрелище.

Обычно этот мальчишка, закончив говорить о делах, немедленно разворачивался и уходил, не задерживаясь ни на секунду. Сегодня солнце явно взошло на западе.

— У тебя ещё что-то?

— Куда ты отправил Линь Яо?

Император Лу Яньцин только открыл рот, но ещё не успел ничего сказать, как Шэнь Сюнь тут же выпалил вопрос.

Лу Яньцин на мгновение застыл. Ну надо же, уже научился отвечать за собеседника.

— Куда я его отправил, ты не знаешь?

— А должен?

Линь Яо приходил к Лу Яньцину вчера утром, а ушёл уже после того, как Шэнь Сюнь заснул. Кроме оставленного блюда и той записки, от него ничего не осталось.

Шэнь Сюнь не получил ни сообщения, ни объяснения. Откуда ему было знать, где сейчас Линь Яо?

Лу Яньцину стало смешно.

— Что, Хо Шу тебе не доложил?

Шэнь Сюнь замолчал.

— Значит, он у меня?.. В моей части?

Лу Яньцин кивнул, и в следующую секунду Шэнь Сюнь уже поднялся и ушёл, ни капли не желая задерживаться. Лу Яньцин посмотрел ему вслед, мысленно обозвал нахального мальчишку и продолжил завтракать.

Выйдя из дворца, Шэнь Сюнь сразу направился в военное ведомство. Приехал он не слишком рано; по его расчётам, утренняя тренировка уже должна была закончиться, и как раз наступало время завтрака.

Шэнь Сюнь зашагал к столовой. По дороге знакомые военнослужащие здоровались с ним; на его лице всё время не было ни малейшего выражения — до тех пор, пока у входа в столовую он не заметил, как двое людей тянут друг друга за руки.

Вокруг уже собралось немало зрителей.

С расстояния профиль того, кто цеплялся к другому, показался ему очень похожим на Цзян Чжияня. Но, насколько Шэнь Сюнь знал, Цзян Чжиянь всё ещё находился на секретном задании и не вернулся.

Более того, для внешнего мира распространялась версия, что Цзян Чжиянь пропал без вести и неизвестно, жив ли он вообще. Намеренно создавалось впечатление, будто шансов у него почти нет, — так было безопаснее для самого Цзян Чжияня.

От внешнего врага можно обороняться день и ночь, а домашний вор хуже всего. Боялись не врагов, а того, что за спиной окажется предатель и всадит нож прямо в поясницу.

Об этом знали очень немногие, и Шэнь Сюнь был одним из них. Но известия о возвращении Цзян Чжияня он не получал.

Поэтому Цзян Чжиянь не должен был находиться на Имперской звезде, а уж тем более — появиться в военном ведомстве.

Шэнь Сюнь кивнул в ту сторону и спросил у стоявшего рядом человека:

— Кто там?

Тот слишком увлёкся зрелищем и даже не заметил, что рядом стоит Шэнь Сюнь. Не отрывая глаз, он шёпотом объяснил:

— Тот, в белом, — командующий сухопутными войсками Сюй Циянь. А в форме рядом с ним — новая звезда военного ведомства последних двух лет, полковник Му Цзю.

К ним тут же придвинулся ещё один человек с двумя баоцзы в руках и добавил:

— Говорят, по скорости повышения он почти не уступает генералу Шэнь Сюню. Глядишь, скоро ещё и обгонит генерала Шэня.

Шэнь Сюнь с заметным отвращением покачал головой, отвёл взгляд и посмотрел на говорившего — просто захотелось увидеть, насколько же надо быть слепым, чтобы сравнивать этого Му Цзю с ним.

Но человек рядом по-прежнему не узнал Шэнь Сюня и даже не подозревал, что сплетничает о человеке прямо ему в лицо.

Шэнь Сюнь без спроса выхватил у него один баоцзы. Тот только успел воскликнуть «Эй!», а Шэнь Сюнь уже разломил булочку пополам и одну половину отдал первому собеседнику.

Лишь тогда владелец баоцзы понял, кто стоит рядом. Он вздрогнул так сильно, что едва не выронил вторую булочку.

Шэнь Сюнь не обратил внимания. Подняв взгляд, он посмотрел на лицо Сюй Цияня, похолодевшее ещё на несколько градусов. Тот явно не хотел иметь ничего общего с Му Цзю, но Му Цзю упрямо не отпускал его. Шэнь Сюнь снова толкнул локтем парня с баоцзы.

— А что у него с Сюй Циянем?

Товарищ с баоцзы протянул:

— А-а. Он хочет пригласить командующего Сюя на обед, но тот отказал. Теперь вот намертво прицепился.

Говоря это, он поднял руку и показал число пальцами.

— Уже шестой раз за этот месяц.

Шэнь Сюнь усмехнулся:

— Он с такой физиономией сам напрашивается на побои, разве нет?

Другой человек, услышав это, тут же горячо согласился.

— Все так думают. Из-за него лицо командующего Сюя становится всё страшнее. Я теперь, если случайно встречаю его по дороге, даже дышать боюсь.